

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

к н и г и
Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Лента Мёбиуса

Переломы

Синдром Е

ГАТАСА, или Проект «Феникс»

Головокружение

Атомка

Головоломка

Страх

Пандемия

Сновидение

Шарко

ФРАНК ТИЛЬЕ

ПЕРЕЛОМЫ

Санкт-Петербург

ПРОЛОГ 1

Сентябрь 1982 г. Шатила, Ливан

Нищета никогда не мешает бурлению жизни. Еще вчера повсюду бегали палестинские ребяташки. Иногда мальчишки усаживались на мусорной куче напротив кувейтского посольства и, потрясая воображаемыми «калашами» и М-16, представляли себя героями.

Сегодня на улицах опасно.

Клод Дехане стремительно вбегает в подъезд семиэтажного дома. Он задыхается, в сумке у него бултыхаются фотоаппараты «лейка» и «кэнон».

Школы Сабры и Шатилы пусты, небо над Западным Бейрутом заполнено низколетающими истребителями-бомбардировщиками. В охваченном восстанием городе слышны крики, рушатся дома.

Оказавшись в безопасности, в захлавленной квартире, Клод ласково ерошит густые волосы Наджат. Маленькая палестинка, стоящая рядом со старшими братьями, не улыбается. Ее мать, Малака Аббас, растирает изуродованные артритом ноги старика-отца, устроившегося на сиденье, выломанном из автомобиля. Сплошь и рядом палестинские жертвы остаются безымянными. Но на этот раз у людей есть лица.

Труженица-мать немного говорит по-французски — язык преподают в школах БАПОР¹.

¹ БАПОР — Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ.

— Они ищут федаинов. Войска Катайба и израильтяне перегородили дороги танками. Они придут сюда. Тебе надо спрятаться. Быстрее!

Она встает и указывает на встроенный шкаф: если открыть дверцу, за ней обнаруживается дыра в стене, достаточно большая, чтобы в ней, скорчившись, поместились два человека.

— Забирай туда с собой все вещи, — добавляет она, обернувшись. — И сиди там. Наджат принесет тебе воду и рис.

Клод поглаживает короткую черную бородку. Кудрявые волосы, серые мягкие башмаки, светло-голубая льняная рубашка делают его очень похожим на местного жителя.

— Нет-нет. Вам самим надо спрятаться. Хотя бы детям.

— Мы-то ничего не боимся. У нас нет оружия. Им нужны федаины. Все федаины. Ты журналист, к тому же европеец. Если тебя найдут — будут пытаться, а потом прикончат.

От грохота выстрелов у Клода сводит живот. Французские десантники, американские морпехи и итальянские пехотинцы ушли из страны неделю назад. Все ограничения, все правила отступили перед наводящими ужас израильскими стопятидесятипятимиллиметровыми пушками.

Дверца шкафа захлопывается. Свернувшись клубком под одеялом в дыре, замаскированной пластиковой скатертью, Клод в свои тридцать два года чувствует, что умирает от страха, как ребенок. В конце концов, измученный, он забывается сном.

Ощущение, как будто в голове взрывается лампа. Клод внезапно просыпается от криков и металлического грохота. Кругом темнота.

Они там, в доме.

Топот сапог по полу, дверца шкафа распахивается. Клод, затаившись под скатертью, перестает дышать, все его тело словно окоченело. Если его найдут, ему не жить.

До него доносится запах спиртного, он слышит злобное пыхтение. Через крохотную дырочку он видит кедр, вытатуированный на чьем-то плече. Это фалангисты — боевики ливанцев-христиан. Лишенные совести дикие звери. Их главаря только что убили.

Дверца шкафа снова закрывается, но не до конца.

Журналист видит все.

Он видит, как человек превращается в животное, теряет остатки разума. И это — после стольких веков эволюции...

Клод забивается поглубже в свою нору, по его измученному лицу текут слезы, он неслышно кричит, царапает землю, пока не обдирает ногти до крови. Он знает. Знает, что происходит там, за дверью, Наджат взывает к нему.

Там гуляют, смеются, болтают, поют по-арабски с ливанским акцентом, арак так и льется в пересохшие глотки. Почему не вмешиваются израильские солдаты? Из госпиталя в Акко они не могут не видеть, что здесь творится! Они не могут не слышать! Клод не знает, сколько времени длилась кровавая истерия. Он видел, как рассвело, а потом опять стемнело. Ноги в носках заledenели, содержимое мочевого пузыря не раз и не два обожгло ляжки.

А потом хаос внезапно закончился, ураган унесся прочь. Когда бог знает через сколько часов после резни умирающих от жажды и голода Клод снова открывает глаза, солдат в доме нет. Терял ли он сознание? Был ли он в аду? Он не помнит.

Он чувствует боль в паху, в лопатках. Темная прядь прилипла ко лбу, он пытается ее смахнуть, а она хрустит под пальцами — на волосах запеклась кровь. Он не понимает, откуда взялись эти синяки и раны, в мозгу все перепуталось.

Он выбирается из своей норы. В доме все замерло.

Клод не понимает, что означает эта тишина. Он не плачет, он не может заплакать. В шахтерском поселке отец порол его ремнем, когда он хныкал. Тело горело от ударов.

И все же, выйдя на улицу, где солнце обжигает лицо, он разражается рыданиями. И вдруг он видит Наджат. Наджат стоит там, среди мертвых тел. Она колыхнется под жаркими лучами, она тянется к Клоду, зовет его. Он бежит к ней — но руки сжимают лишь рваную тряпку, развевающуюся под порывами пахнущего гнилью утреннего ветра.

Он бродит по улицам среди завалов, присоединяется к группе журналистов, приехавших из Иерусалима, военных корреспондентов, горстке выживших. На порогах домов, на ступенях мечетей, в школьных дворах лежат горы трупов. Над ними кружат рои мух, стаи птиц. Уцелевшие женщины ищут мужей и сыновей. Он видит разрушенные семьи, оборванные жизни, сметенные чьей-то злобой.

Все в нем рухнуло. Все убеждения, все ориентиры. Каждый труп напоминает ему о Наджат. Можно закрыть глаза, заткнуть уши, но это не помогает. Малышка так и стоит неподалеку, стоит только руку протянуть. И она так громко кричит! Он всегда будет чувствовать на себе ее взгляд, это ощущение — словно инородное тело в голове, от которого невозможно избавиться.

Он видел, как они умирали, и не вышел из своей норы.

Когда самолет Красного Креста взлетает из аэропорта Дамаска, Клод прижимается лбом к иллюминатору. Он знает, что зло существует.

Он видел его в лицо. Без грима, без прикрас.

Спустя какое-то время Клод Дехане выходит из самолета в аэропорту Орли. Он не улыбается, но и не плачет. Он не рассказывает о драме, пережитой в Ливане. Никому. Воспоминания постепенно рассеиваются, как пыль, поднятая колесами армейского броневика. Но какие-то сцены по-прежнему сжигают его изнутри.

По словам властей, во время бойни в Сабре и Шатиле на территории лагерей не находилось ни одного европей-

ца, ни одного американца, вообще никого из иностранцев. По данным различных источников, число убитых гражданских лиц составляет от пятисот до пяти тысяч человек. Основные орудия убийства? Ножи и кинжалы.

Но зато Клод и смеется, и плачет, когда 29 сентября 1982 года, в Михайлов день, его жена разрешается от бремени. Выложенные кафелем стены, в которых он провел несколько минут, кажутся ему самым прекрасным в мире зрелищем.

В детской палате его внимание привлекает только одна девочка. Он прижимает ее к сердцу, совершенно не обращая внимания на плач другого младенца, который точно так же нуждается в ласке.

Клод сделал выбор. Он держит на руках вернувшуюся Наджат. Он уже знает, что будет любить этого ребенка так, как не любил никого на свете.

У него хранится прядь темных волос маленькой палестинки. Он уже и не помнит, как она у него оказалась, и предпочел бы от нее избавиться, но почему-то никак не получается.

Он так и не достал со дна сумки свой репортаж о конфликте в Ливане и ушел с работы.

В голове у него по-прежнему звучат автомобильные гудки, шум толпы, скрежет колес по рельсам, сливаясь в грохот танков, идущих прямо в ад. Он видит себя летящим над горами трупов, рукой он дотрагивается до замученных людей, возвращая их к жизни. Как бы ему хотелось...

Ему больше не хочется задыхаться в Париже, не хочется видеть вокруг себя тени, не хочется жить в условиях, над которыми он не властен. Все вокруг стало опасным.

Он ищет покоя, того покоя, который окружал его в детстве, ему нужен свежий ветер, под порывами которого стелются травы и гудят ветки деревьев, он хочет вспомнить, как свободно дышал отец до того, как его сразил силикоз.

Продав квартиру в Девятом округе, он покупает маленькую фламандскую ферму на севере страны, откуда он родом, и перебирается туда. Благодаря прошлым работам его банковские счета в полном порядке.

Свои репортажи и прядь волос он прячет в сарае на ферме. Выбросить их выше его сил.

Его жена Бландина без труда находит место медсестры в больнице в Аррасе. Вообще-то, ей не очень нравится на севере, где нечем заняться, кроме работы. К тому же ферма находится в двухстах метрах от немецкого кладбища, где похоронено больше тридцати шести тысяч солдат, убитых во время Первой мировой. Окно одной из спален выходит на роскошный вяз, посаженный в 1918 году, а за ним тянутся бесконечные ряды темных крестов. Мрачное зрелище...

Вот так Клод изменил свою жизнь, с той же легкостью, с какой журналист меняет тему своих статей. Просто перевернул страницу.

На этой спокойной и безмятежной земле кошмары постепенно рассеиваются. Клод, прежде никогда не считавший себя верующим, начинает читать Библию, молиться. Ему хорошо в кругу семьи, он чувствует себя счастливым.

И все же он знает, что после Ливана что-то в нем сломалось, его преследуют какие-то травмы. Исчезло сексуальное влечение, он было обратился к врачу, но потом резко прервал лечение. Бландина принимает это с трудом, но все же принимает. Она любит своего мужа.

Внешне все выглядит очень просто.

На самом деле все очень сложно.

ПРОЛОГ 2

Прошли годы.

Сад. Уютный семейный домик. За высокими деревьями, окаймляющими квадратную лужайку, простирается кукурузное поле.

Кто-то наблюдает в бинокль за ребенком, играющим среди высокой травы в мяч. Красный мяч.

Мальчуган видит, что приехал отец, и бежит к нему:

— Папа, поиграем в футбол?

Александр затирает машину и нежно целует сына.

— Завтра. Сегодня папа много работал.

— Ты всегда говоришь «завтра»!

— На этот раз я тебе обещаю. Завтра, ладно?

Он гладит ребенка по голове и входит в дом, не закрыв за собой застекленную дверь.

Мальчик продолжает кидать свой красный мяч о стенку. Наблюдатель не сходит с места. Он ждет.

Позже в тот же вечер. Со вкусом оставленная комната на втором этаже. Окно в торцевой стене выходит на кукурузное поле.

На первом этаже в темноте притаился человек с биноклем. В одной руке он держит дубинку-электрошокер, в другой — шприц со снотворным. За его спиной — закрытая застекленная дверь.

Александр в спальне натягивает пижаму. На его правой щиколотке видна татуировка в виде головы волка.

Он забирается под одеяло, его жена Карина выходит из ванной, ложится и прижимается к нему. Она начинает ласкать его, он целует ее в губы и нежно отстраняет ее руку.

— Завтра, милая, сегодня мне надо отдохнуть. Подыхаю от усталости.

— Завтра, вечно завтра! А если бы никакого завтра не было?

— Мы бы этого не узнали.

— Чего — этого?

— Если бы завтра не было, мы бы этого не узнали.

Лампа гаснет.

На следующее утро.

Какой-то толчок, словно земля содрогнулась.

Карина с трудом открывает глаза. В горле пересохло, у нее такое ощущение, словно она проглотила мешок цемента. Голова кружится. Она вспоминает. Страшная боль в спине, невозможность пошевелиться. Потом — черная дыра.

Она начинает различать какие-то звуки.

— Ой! Мама! А как же мой футбол?

Карина встает, она чувствует, что нервы на пределе. Какой футбол?

Ее сын Тео смотрит на нее с упрямом:

— Папа обещал пойти со мной. Его машина на улице. А где он сам, ты не знаешь?

Понедельник, 8 октября 2007 года. Через двадцать пять лет после резни в Сабре и Шатиле.

*Лаборатория экспериментальной психологии,
Национальный центр научных исследований,
объединенная исследовательская группа 8768, Булонь-Бийанкур*

— Тест закончен.

Алиса Дехане собирается выйти вместе с остальными, но психиатр преграждает ей путь:

— Нет, не туда. Они закончили, а вы нет. Остался последний тест, самый важный для нас.

Алиса чувствует себя неуверенно. Эта лаборатория, эти странные аппараты, люди в халатах...

— Хорошо, доктор. Вы останетесь со мной?

— Конечно.

Теперь ее окружают какие-то странные электронные приборы. Доктор Люк Грэхем предлагает ей сесть перед компьютером с огромным дисплеем. Алиса подчиняется, ее голубые глаза задерживаются на проводах, идущих от многочисленных датчиков. Она сжимает кожаные подлокотники. Блузка промокла от пота. Психиатр наносит гель на белую ленту с тремя датчиками — синим, черным и желтым. Он подносит ленту к ее левой щеке:

— Это устройство позволит мне измерить частоту напряжения ваших мышц. Его надо наклеить на грудь, и я

смогу оценить работу сердца. Просуньте его между пуговицами блузки. Вот так... Спокойно...

Алиса подсовывает клейкую ленту под блузку и прижимает ее между грудями.

— Все.

— Отлично. Еще несколько штук. Вот эти — самые забавные... Дайте-ка мне левую руку.

Люк Грэхем надевает ей на руку перчатку, своего рода усовершенствованную митенку, и объясняет, что электроника позволит ему измерить проводимость кожи, температуру тела и объем артериальной крови. Пояс, который она надевает на живот, даст возможность контролировать ритм дыхания.

Алиса вытягивает руку и шевелит пальцами, она взволнована, но ей интересно.

— А для чего все эти... приборы, доктор? Ведь это происходит у меня в голове, а не снаружи.

— Подсознательное создает ваши эмоции, а они проявляются в совокупности биологических сигналов. Пересохшие или влажные губы, изменение ритма сердца, напряжение и расслабление мышц... Вот это я и собираюсь записать. Надеюсь, непосредственно перед тем, как наступит ваша черная дыра. Понятно?

— Понятно. А в этот раз вы мне покажете записи?

— Подождите, Алиса, подождите. Не будем торопить события, мы уже так близки к решению.

Он сжимает ее запястья:

— Вы ведь тоже в это верите, и поэтому все работает. У нас все получится.

Она улыбается:

— Я верю вам, доктор.

Он объясняет ей, как будет проходить эксперимент. На экране будут чередоваться изображения — нейтрального содержания, приятные и неприятные. Алисе предстоит реа-

гировать, нажимая кнопки, соответствующие ее ощущениям. Кнопки «+», «-» или «?». В любом случае главное — отвечать не задумываясь.

Люк осторожно прислоняет голову пациентки к спинке кресла, потом надевает на нее подбородник. Мышцы на шее молодой женщины напрягаются, пальцы стискивают подлокотники. Люк Грэхем дает четкие инструкции:

— Во время эксперимента важно не двигаться. Картинки, только картинки. Больше ни о чем не думайте. Все будет хорошо.

Он в последний раз регулирует приборы.

— Некоторые изображения будут душераздирающими, они могут вызвать тошноту или недомогание. Дело в том, что организм компенсирует резкие изменения физиологического состояния снижением давления. Это называется «барорецепторный рефлекс». В таком случае резко напрягите все мышцы. Через час мы уедем из Парижа, и вы вернетесь домой. Я выйду из комнаты, но буду позади вас, хорошо?

Алиса кивает и поправляет маленькие очки в коричневой оправе.

Из микрофона слышен голос. Это доктор. Алиса пытается повернуть голову, чтобы увидеть, где он, но для этого ей пришлось бы вырвать все провода.

— Начнем с нескольких пробных картинок, чтобы убедиться, что вы все поняли. Не двигайтесь.

Психиатр, не оставляя своего наблюдательного поста, поворачивается к сидящему слева коллеге:

— Ты бы оставил меня с ней.

— Она из твоей клиники?

— Нет. Из частной практики.

Благодаря мини-камере, скрытой в корпусе компьютера, один из директоров лаборатории экспериментальной

психологии, Марк Броссар, видит лицо Алисы. На других экранах мелькают ряды цифр и кривые: это биометрические параметры пациентки.

— А она миленькая. Хороший выбор.

Люк Грэхем улыбается:

— Прекрати...

Он нажимает кнопку, система выдает серию изображений. На дисплее в случайной последовательности возникают символы, совпадающие с кнопками «+», «-», «?». Алиса все поняла, она правильно реагирует и отвечает. Люк Грэхем поворачивается к Марку Броссару. В его серо-голубых глазах читается полная уверенность.

— Ну все, теперь оставь нас. Эту работу мы с ней должны проделать с глазу на глаз, она мне доверяет.

Марк Броссар не противится, узнать что-то еще ему все равно не удастся. Он выходит через дверь, расположенную за контрольным пультом, и закрывает ее за собой. Психиатр встает и запирает дверь. Зажигается табло: «Идет воспроизведение».

Люк Грэхем вводит в компьютер тысячи изображений из базы данных МАСИ¹ и с помощью специальной программы убирает семьдесят процентов картинок нейтрального и позитивного содержания, оставляя только самые страшные.

Он собирается ввести в Алисин мозг максимум негативной информации и делает это вполне сознательно. Он хочет запугать ее в интересах лечения, а не просто так.

Не отрываясь он смотрит на глаза Алисы на мониторе, на эти глаза невероятного фарфорово-голубого цвета, который он так хорошо изучил. Дойти до конца, но ради нее...

Он вводит программу в память компьютера.

¹ МАСИ – Международная аффективная система изображений.